

Круглый стол «ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫКИ»

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева

ЦУНАМИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ: О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЭКЗОТИЗМА В ЧУЖОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

История жизни слова в лексико-семантической системе языка всегда интересна своей непредсказуемостью. Существование иноязычной лексемы в рамках коммуникативного пространства языка-реципиента осложняется необходимостью пройти процедуру «освоения». Экзотизм как номинация из другой жизни редко проходит данную процедуру до конца и становится полноправным, функционально нагруженным членом языковой системы. Японизм *цунами* – одна из немногих лексем японского происхождения, которые отмечены в современных словарях русского литературного языка (по данным русских лексикографических источников, на сегодняшний день кодифицировано всего 70 таких единиц).

Цунами (из яп. *Tsunami* – цунами) – результат соединения двух японских иероглифов со значениями ‘гавань’ и ‘волна’. Еще в 70-х гг. XX в. словари русского языка такой единицы не содержали, однако с 90-х гг. она неизменно присутствует в общих и специальных лексикографических источниках со значением ‘гигантские волны, возникающие на поверхности океана в результате сильных подводных землетрясений’ с небольшими вариациями: *Мощная цунами обрушилась на берег* (Словарь Л. М. Баш, 2005).

Лишь в Толковом словаре иностранных слов Л. П. Крысина (1998) отмечено еще одно значение лексемы *цунами* с пометой *перен.* ‘что-либо сильное, энергичное, мощное, яркое’: *Бывало и настоящее цунами гастролей* (А. Е. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства, 1999).

Фонетический облик слова и его грамматические характеристики, в частности несклоняемость, вариативность рода (м., ж., ср.) и даже числа (ед. ч. и мн. ч.), выдают в нем чужака: *Если же астероид упадет в океан, то в тысяче километров от места столкновения образуются цунами высотой в 25 метров* (До конца света – 878 лет // Vesti.ru, 2002.04); *Цунами был такой силы, что достиг восточного побережья Африки — это 6 тысяч километров от эпицентра* (Бедствие глобального масштаба // Vesti.ru, 2004.12); *Цунами смыло деревни и пляжные курорты сразу в семи странах, омываемых северо-восточной частью Индийского океана* (Э. Гуцин. Смерть на курорте // Труд-7, 2004.12) и т. д. Парадоксальное многообразие неизменяемости закономерно превращается в неизменность многообразия,

поскольку в современных лексикографических источниках японизм получает неединообразную кодификацию, предпочтение отдается разным вариантам: **цунами**, нескл., ср. / неизм., ж. и ср. / мн., нескл.

Первичное лексическое значение единицы также не предполагает особой функциональной «нагруженности» в силу объективных причин – денотативных ограничений. Однако способность слова образовывать сравнительные обороты и конструкции, выступать объектом сравнения, мериллом, «прецедентным» денотатом, обращение к которому предполагает облегчение, а не осложнение понимания текста, свидетельствует о «пересечении» данной лексической единицей границ периферийного пласта лексики, который не вполне востребован коммуникантами: *Вместе с ненастьем и холодами обрушиваются на нас, словно **цунами**, острые респираторно-вирусные инфекции, среди которых отдельным айсбергом выплывает грипп* (Большой сюрприз для вирусов // Труд-7, 2000.12); *С этого момента победное шествие бикини по миру напоминало **цунами*** (А. Ширяев. Бомбист // lenta.ru, 2019.08); *Пестрый кубик Рубика грозным **цунами** накатил на весь мир, вызвал массу психических расстройств от неудачных попыток добиться равномерного распределения цветов на гранях.* (В. Быков, О. Деркач. Книга века, 2000) и др.

Интересно, что в 70-х гг. XX в. употреблению японизма **цунами** в тексте зачастую предшествовало описательное представление денотата: *Подводные землетрясения рождают огромные водяные валы — **цунами*** (Р. Сагдеев. Плазма // Техника – молодежи, 1974); *Угроза гибели этих городов нависала над ними в случае мощного прилива — **цунами** — или бури, по своему размаху равной катаклизму* (Л. Василевский. Куда же уплыл Улисс? // Техника – молодежи, 1975). Подобные факты из истории жизни японского по происхождению заимствования в русских текстах выявляют явную внутриязыковую потребность в однословной номинации, которая всегда удобнее для коммуникантов, нежели составные, которые не воспроизводятся, а конструируются. Спустя всего лишь два с лишним десятилетия **цунами** делает крутой разворот и само становится легко считываемым кодовым знаком, лексемой – текстовой подсказкой, что подтверждается хронологическими пометами русских корпусных данных: *Любовь всегда сильное испытание. Оно как **цунами*** (С. Хрусталева. Юлия Рутберг: Из нас с Кортневым пытались сделать сладкую парочку // Комсомольская правда, 2001.11); *Он невозмутимо засыпал в турку кофе, залил кипятком и поставил на малый огонек. – Не смущайся, ты великолепна, как **цунами**...* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы, 2008–2009).

Реализация лексемой **цунами** структурных схем атрибутивных словосочетаний Adj – N и N1 – N2 также свидетельствует о включенности единицы в сложную систему взаимоотношений субстанциальных сущностей русской лингвокультуры: *Эмигрантское **цунами**, обрушившееся на Швейцарию после поражения революции 1905 года, смыло с лиц аборигенов маски с вежливыми*

улыбками (Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок, 2017); Соню окатило такой волной полнейшего разочарования в жизни, таким всепоглощающим цунами несправедливости, что она еле сдерживала слезы (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010) и др.

Вовлеченность лексической единицы *цунами* в синонимические и градуальные ряды подтверждает факт лексической освоенности, способность японизма участвовать в тонкой семантической дифференциации реальности, конструируемой вербальными средствами языка: *По их мнению, вторая волна пандемии может превратиться в цунами, способное «опрокинуть» систему здравоохранения.* (В Греции вводят всеобщий карантин до конца ноября // Парламентская газета, 2020.11); *Сегодня главной отраслевой проблемой становится риск обострения кризиса неплатежей: волна банкротств (в том числе умышленных) может в одночасье перерасти в цунами и смыть даже крепкие предприятия строительной индустрии* (И. Ступин. Упали, очнулись — гипс // Эксперт, 2009).

Обращение к данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) подтверждает множественность вхождений экзотической лексемы *цунами* в речевую практику носителей русского языка. В основном корпусе обнаружено 257 документов, содержащих 787 случаев употребления японского по происхождению заимствования в русских текстах, в газетном – 4293 текстовых документа, которые содержат 7658 словоупотреблений. Почти десятикратное увеличение количества вхождений *цунами* в публицистический текст (количество текстовых документов и вовсе возрастает в 16,7 раза) свидетельствует об экспрессивности, высоких выразительных потенциях слова, что и делает японизм столь востребованным в русскоязычных массмедиа.

В Основном корпусе НКРЯ *цунами* в первичном значении отмечается в текстах с 1911 г.: *Пишет еще, что в Ямада — образцовые христиане, испытанные несчастьем (цунами)* (архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник, 1911). Во вторичном значении лексема *цунами* фиксируется с 1976 г.: *– Нет, в этом тоже есть трагедия, – отвечали мне, – слышанье немислимых обертонов есть катастрофа. И привести это звуковое цунами в состояние гармонии вряд ли возможно...* (А. И. Цветаева. Сказ о звонаре Московском, 1976). Отметим, что в составе сравнительного оборота японизм *цунами* использовался, по данным НКРЯ, по крайней мере уже в 60-х гг. XX в.: *Если же статья появится, то для нас это будет как цунами...* (А. И. Кондратович. Дневник, 1967). Такой путь полноценного освоения экзотической лексемы в русском коммуникативном пространстве – от употребления в текстах в качестве прямой номинации через стадию участия в сравнительных конструкциях в качестве объектного компонента к реализации способности порождения семантического деривата – логичен и вполне закономерен, на наш взгляд.

В газетном корпусе, который имеет хронологические ограничения (содержит тексты СМИ начиная с 1983 г.), релевантные для нас, в первичном значении лексема *цунами* отмечена с 1983 г., первого же корпусного «километра»: *Помимо пожара, взрыва, удара молнии, наводнения, землетрясения, бури, урагана, ливня, града, обвала, оползня, дополнительно включены: наводок, сель, цунами...* (Ваши вопросы от 31.12.1982 // Аргументы и факты, 1983.01). Во вторичном значении *цунами* фиксируется чуть позже, с 1986 г., что, принимая во внимание поправку на вероятностный момент попадания интересующей нас лексемы в газетную выборку за тот период, однозначно свидетельствует о бесспорном «прорыве» *цунами* дамб лексико-семантической системы современного русского языка: *Под влиянием этого пропагандистского цунами датчане встали в длинные очереди в аптеки за препаратами йода, немцы в ФРГ перестали пить молоко и лишний раз выходить на улицы, а вернувшиеся из туристической поездки по СССР молодые американцы с чьей-то ловкой подачи напялили на себя черные майки с надписью «Я пережил Чернобыль»* (Анатомия лжи. Безответственность // Аргументы и факты, 1986.05).